

Армия Антиоха была выстроена в боевую линию, располагаясь по вектору в диапазоне северо-запад — юго-восток, север — юг. Построение войск соответствовало построению для правильного сражения. Это было сделано с двойной целью: чтобы ввести в заблуждение противника, провоцируя его на ставшие привычными вылазки, а также для того, чтобы в случае осложнений при выполнении плана Лагора прийти ему и его людям на помощь левым крылом армии. Замешательство в рядах стоящих вблизи Πρίων войск Антиоха видел только Ахей, Арибаз в это время следил за действиями самого сирийского царя и правого крыла его армии, которое, естественно, было самой сильной частью войск нападавших.

Расстояние от правого крыла армии Антиоха до *Персидских ворот* было не больше, чем расстояние от акрополя до Πρίων, так как войска Антиоха достигли их раньше, чем закончилась операция у скалы и театра. Располагаться они могли на северной или северо-восточной стороне городской стены. Поведение руководителей осажденных во время операции Лагора было ошибочным. Арибаз не только не смог защитить Πρίων, но и впоследствии бросил на произвол судьбы *Персидские ворота*, хотя при удержании остальных участков стены у осажденных был шанс справиться с отрядом Лагора. Ахей угадал место возможной диверсии противника, но допустил промедление, стоившее ему города, а затем и жизни.

Что касается причины поражения Ахея для историка, то не вызывает сомнения, что Полибий видит ее вовсе не в небрежении и халатности осажденных. Судьба — Τύχη платит Ахею за измену своему долгу. В сомнении Ахея по поводу того, что предпринять в ответ на волнение в лагере противника, до конца не преодоленном, занявшем драгоценное время, чувствуется дыхание Судьбы — Τύχη самого Ахея, и вместе с ним всего города. В описании пленения и гибели этой трагической фигуры (*Polyb. VIII.15—21*) Полибий, не без симпатии относившийся к Ахею, выводит Τύχη главной героиней своего повествования.

А. В. Хазина

ЭЛЛИНИЗМ И ВАРВАРЫ: ОТКРЫТИЕ ПОСИДОНИЯ

Антиномия «грек — варвар» эволюционировала во времени, порождая определенные этно-культурные стереотипы массового сознания и историко-философской рефлексии античности. Образ варвара, нашедший свое выражение в понятиях «свой», «чужой», «отличающийся», первоначально выражал собой лишь лингвистическое различие, ибо варвар для грека был тот, кто не владеет *логосом*.

В дальнейшем эта антиномия постепенно приобретала религиозные, политические и культурные смыслы, охватывая и тип питания, и манеру одеваться, и другие социально-культурные аспекты. Основу взаимного противопоставления составлял не только огромный разрыв в уровнях социального и культурного развития и психологическая несовместимость, но и высокий уровень этнического самосознания греков. Определившийся к VII—VI вв. до н. э., он породил, как

фиксируют источники, достаточно раннее возникновение греко-варварского антагонизма (*Anacr.* Fr. 45 a [Bergk]; *Hecat.* Fr. 119 [FgrHist]; *Aesch. Persae.* 186—187; *Heraclit.* Fr. 15 [Diels]), отразившегося в устойчивом стереотипе массового сознания. Варварское — чужое, дикое, требующее как минимум переделки. Параллельно в литературной и историко-философской рефлексии появился и функционировал другой стереотип — идеализированный варвар как воплощение естественного, близкого к природе человека (*Hom.* II. XIII.5—6; II.I.423; *Hesiod.* Fr. 55; *Ephor.* Fr. 42, 158 [FgrHist]).

В IV — III вв. до н. э. оба клише достигают своего логического завершения в устойчивых оппозициях: «варвар — раб-враг», «варвар — непорочный человек», — определяя закономерности восприятия и изображения варваров, часто противоречащие реальным данным (*Arist.* *Polit.* 1252 a—1254 b, 1285 a; *Demosth.* X.33; XX.150).

В эллинистическо-римское время представления о принципах межэтнических контактов существенно корректируются вследствие расширения античной ойкумены, конвергенции языков и культур и непосредственного соприкосновения двух этнокультурных миров. В сферу интеллектуальных и духовных процессов вовлекалось огромное число неизвестных ранее фактов, этносов, объектов культуры, что изменяло представления греков об образе ойкумены и людях, ее населяющих. Развивались концепции о гармонии светил, влиянии космических явлений на земные и собственно на человека, о всеобщей взаимосвязи процессов природы (Эвдокс, Эратосфен, Гиппарх, Птолемей). Ставилась проблема закономерности всеобщей человеческой истории, ее цели и смысла; решались вопросы о границах обитаемого мира, числе ойкумен, населенных различными расами, причинах их вариативности и принципах взаимоотношений.

В современной историографии ряд работ посвящен тому, как эти вопросы решались Полибием, Страбоном, Диодором Сицилийским, Помпеем Трогом, Цицероном. Однако в наиболее систематизированной и отрефлексированной форме стереотипы в восприятии варваров перерабатывались, пожалуй, самым универсальным представителем Стои — Посидонием Апамейским. Это ясно демонстрируют три последних публикации фрагментов его трудов¹. Названный античной историографией «стоическим Аристотелем», Посидоний в дальнейшем оказал влияние на обширный круг эллинистических авторов (Fr. 3, 39, 91, 100 [Kidd]).

Философские взгляды Посидония (о «космополисе», «стоическом мудреце», «всеобщей симпатии»), разработка им этиологического принципа историописания (история — это не конгломерат сведений о различных странах и народах, а объяснение мира), следование принципу личного присутствия для сбора информации позволили ему реализовать научный интерес к различным странам и народам. Развивается представление о протяженности и множественности обитаемых миров. В своих этнографических описаниях Посидоний

¹ *Posidonius. The Fragments* / Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd. Cambridge, 1972; *Poseidonios. Die Fragmente* / Hrsg. von W. Theiler. Bd. 1. Berlin; New York, 1982; *Long A. A.; Sedley D. N. The Hellenistic Philosophers*. Cambridge, 1987.

воспроизводил не только стереотипные образы варваров, но и смог выйти в некоторой степени за рамки аксиологического подхода: «варвар» — либо плохой, либо хороший друг или враг. В разрабатываемой им «теории договора», основанной на идее всеобщего равенства, варвары наравне с греками и римлянами представляли субъектом истории. Это позволило Посидонию включить в реальное географическое и политическое пространство многие этносы (британцев, кельтов, мариандинов и др.) В его работах стереотипные представления о варварах постепенно уступали место нейтральным этнографическим описаниям (Fr. 105, 106, 170, 226, 244—246, 269, 285 [Kidd]; 80, 147 [Theiler]).

Эти выводы позволяют по-новому взглянуть на проблему восприятия варваров в античной историографии.

Э. Б. Петрова

ЦАРСКИЕ НАМЕСТНИКИ ФЕОДОСИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

В двух керченских надписях (КБН. 36, 64) некие Менестрат и Аврелий Валерий Сог названы наместниками Феодосии — центра, выдающегося среди городов Боспорского царства и в географическом и в историческом смысле. Должность эта была достаточно почетной: в одном случае ее исполнял наместник царской резиденции, фигурирующий в списке высших царских чиновников, в другом — человек, хорошо известный в Риме, пользующийся благосклонностью императоров. В отношении управления город (а вернее, Феодосия как область) рассматривался боспорскими правителями как некая самостоятельная единица. Расположение на западных рубежах государства делало его важным в стратегическом отношении, а его порт, как и прежде, эксплуатировался в коммерческих целях. Из всех городов Боспора, кроме Феодосии, наместника имела только Горгиппия, следовательно, два пограничных города управлялись единообразно, через царских наместников, назначенных из среды придворной аристократии. В европейской части царства должность царского наместника известна только в Феодосии. Ясно, что правители старались в первую очередь обезопасить пограничные районы, соседствующие с воинствующими варварами. Для Феодосии такая политика властей не была новой, ведь область «Феодосия», видимо, существовала и ранее. Возникает вопрос о том, когда она могла получить в управление наместника?

Обе надписи, упоминающие наместников Феодосии, датируются довольно поздним временем (70-е гг. III в. и начало IV в.), должность же наместника Горгиппии известна по эпиграфическим памятникам уже с начала II в. (появиться она могла и раньше, при Аспурге). А вот наместник острова (северо-западная часть Таманского полуострова) появился скорее всего при Аспурге (КБН. 40). В ней Аспург назван царствующим над всем Боспором, Феодосией, многими племенами азиатского Боспора, подчинившим скифов и тавров. Точно так же он назван в другой надписи из Керчи (КБН. 39), которая датируется 23 г. н. э. К